

Поссевинъ въ Москвѣ.

Всѣмъ извѣстна исторія той религіозной проблемы, окончательное разрѣшеніе которой было, повидимому, главной цѣлью путешествія Поссевина. Раздѣленіе церквей, подготовляемое съ VII в. константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ, называвшимъ себя всемірнымъ епископомъ, и на соборѣ in Trullo или Quinisexte, установившемъ въ 690 г. бракъ для священства, произошло окончательно въ IX в. Въ этотъ моментъ, до и послѣ борьбы съ иконоборцами, греческая церковь достигла вершины своего расцвѣта и славы; изъ ея нѣдръ вышла цѣлая плеяда ученыхъ, святыхъ и поэтовъ, и судьба призывала ее къ насажденію Христовой вѣры среди славянскихъ народовъ. Фотій довелъ до крайности принципъ своихъ предшественниковъ, утверждавшихъ, что паденіе римской имперіи повлекло за собою уничтоженіе духовной власти, связанной съ ея судьбами; при немъ и произошелъ расколъ. Единство церкви, возстановленное вслѣдъ за этимъ на короткій срокъ и весьма непрочное, было окончательно нарушено въ 1054 г. Михаиломъ Керуларіемъ. Возстановить это единство стремились съ XIII в., и Флорентійскій соборъ (1439 г.) только продолжалъ попытку Ліонскаго (1274 г.). Въ 1581 г., вразрѣзъ со своей обычной политикой, сама Польша какъ будто бы не прочь была способствовать новой попыткѣ (*Fiedler, Ein Versuch der Vereinigung... Sitzungsberichte der K. K. Akademie in Wien*, т. 40, 1862). Но въ Москвѣ выросла и укрѣпилась идея о *третьемъ Римѣ*; она явилась неожиданнымъ препятствіемъ для этого предпріятія. Лѣткаръ великаго князя Василя, Николай Булевъ или Люео, прозванный Нѣмчиномъ, напрасно старался при самомъ дворѣ государя вести пропаганду въ этомъ смыслѣ, полемизируя съ Максимомъ Грекомъ и съ псковскимъ монахомъ Филоооомъ. Ему удалось найти себѣ по-

слѣдователей только въ лицѣ одного боярина, Федора Карпова, и какого то игумена, имени котораго исторія не сохранила.

Время управленія папы Григорія XIII (1572—1585), казалось, вовсе не могло способствовать притязаніямъ Римской церкви. Правда, ей удалось вооружить короля Испаніи противъ царственной еретички Англіи; она поддержала во время борьбы за реставрацію баварскій Виттельсбахскій домъ, этихъ нѣмецкихъ Гизовъ. Но все же она не могла уничтожить въ глазахъ диссидентскаго міра позоръ, навлеченный на католицизмъ управленіемъ Альбы въ Нидерландахъ, Варооломеевской ночью, ужасами инквизиціи и, особенно, скандалами въ нѣдрахъ самого папства, прямымъ слѣдствіемъ которыхъ и была реформація. Иванъ направилъ своего перваго посла въ Римъ политическій, а не религіозный; въ лицѣ Поссевина онъ принималъ не апостола, а дипломата, представителя мірской, а не духовной власти Рима.

Иезуитъ прибылъ въ Москву 14 февраля 1582 г. Онъ нашелъ дворъ въ траурѣ, а царя погруженнымъ въ печаль вслѣдствіе одного трагическаго происшествія, котораго одного было бы достаточно, чтобы исключить всякую возможность умственного и духовнаго общенія между священникомъ и его коронованнымъ хозяиномъ, будь между ними лишь моральные интересы. Въ порывѣ гнѣва Иванъ убилъ своего старшаго сына. Я еще вернусь къ этому мрачному эпизоду. Тутъ было не до морали! Анти-оттоманская лига была немедленно забыта. Для борьбы съ Баторіемъ Иванъ долженъ былъ заключить съ крымскимъ ханомъ перемиріе; онъ соглашался нарушить его и вооружиться противъ турокъ, но лишь послѣ того, какъ папа войдетъ въ сношенія съ Имперіей, Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и заставитъ эти государства отправить въ Москву пословъ для окончательныхъ переговоровъ. Очевидно, царь насмѣхался, хотя и предлагалъ отправить въ Римъ уже не простого гонца, а знатнаго посла. Онъ желалъ сохранить только что пріобрѣтенное расположеніе куріи.

Равнымъ образомъ было отклонено примиреніе со Швеціей: царь уступилъ Ливонію Баторію не за тѣмъ, чтобы вести переговоры съ Іоанномъ. Мягко, но съ твердостью, Иванъ отстранилъ все прочее, пользуясь услугами Поссевина лишь для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые касались Польши: таковы были—опредѣленіе границъ или обмѣнъ плѣнными. Въ то же время, при всей своей любви къ спорамъ,

онъ старался избѣгать религіозныхъ вопросовъ. Пренія могли принять обидный для папы тонъ, повторялъ онъ. 21 февраля, во время аудіенціи, посвященной мірскимъ дѣламъ, Поссевинъ попросилъ особаго разговора для того, чтобы приступить къ «великому дѣлу». Тогда царь прибѣгъ къ другой уловкѣ: онъ-де не обладаетъ достаточными свѣдѣніями для такого спора. Но такъ какъ іезуитъ настаивалъ и просилъ разрѣшенія представить свои соображенія письменно, Иванъ, вѣроятно, подумалъ, что лучше съ этимъ покончить. Можетъ быть, любовь къ словопреніямъ побудила его измѣнить свое рѣшеніе.

Тенденціозная передача этого спора ввела въ заблужденіе самого Пирлинга: онъ предположилъ, что бесѣда была подготовлена заранее и обставлена такъ же торжественно, какъ споръ съ Рогитою. Ни числа, ни самые тексты, на которые ссылается ученый историкъ, не допускаютъ подобнаго предположенія. Ничего подготовлено не было, и самый этотъ фактъ имѣетъ пѣкоторое значеніе. Это засѣданіе было сначала посвящено другого рода вопросамъ, и на немъ не было духовныхъ лицъ, присутствіе которыхъ должно было бы придать диспуту серьезный характеръ. Все же, царь рѣшился покончить съ этимъ вопросомъ, или, вѣрнѣе, прекратить сразу ту доуку, которую онъ причинялъ ему. Онъ даже не преминулъ указать, насколько бесполезно словопреніе при подобныхъ условіяхъ. Но, разъ іезуитъ на немъ настаиваетъ, съ нимъ готовы объясниться хоть сейчасъ (Памятники дипломат. сношен., 1851—1871, X, 247 и слѣд.).

Поссевинъ немедленно разсыпался въ самыхъ соблазнительныхъ доводахъ и проявилъ самую тонкую ораторскую осторожность. Дѣло идетъ вовсе не о разрывѣ съ греческой Церковью, древней и достойной всякаго уваженія Церковью Аѳанасія, Златоуста и Василія; съ ней Римъ чувствуетъ себя связаннымъ неразрывными узами; надо только возстановить единство, нарушенное, исключительно, благодаря забвенію старинныхъ традицій. Это дѣло возстановленія было бы въ то же время вѣрнымъ путемъ къ созданію новой Восточной имперіи, во главѣ которой могъ встать царь,—новый Карлъ Великій, вѣнчанный папою.

Но іезуитъ, повидимому, мало зналъ опаснаго противника, къ которому онъ обращался. Со своимъ алломбомъ, своимъ обычнымъ жаромъ и во всеоружіи своихъ фантастическихъ знаній, Иванъ быстро разрушилъ очаровательное сооруженіе, которымъ хотѣлъ его плѣнить римскій ораторъ. «Что говорить о Византіи и Грекахъ? Греческая

вѣра слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Эѳіопіи предварить рука ея къ Богу, а Эѳіопія все равно, что Византія». Но ему, Ивану, нѣтъ дѣла ни до Византіи, ни до грековъ. Онъ держитъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую. И что говорятъ ему о союзѣ съ людьми, которые, вопреки всякому преданію, бороду себѣ подсѣкаютъ! Поссевинъ былъ увѣренъ, что въ рукахъ его неопровержимый аргументъ: Григорія XIII украшала великолѣпная борода.

— А ты самъ? возразилъ царь, указывая на бритое лицо іезуита.

Согласно протоколу этого засѣданія, составленному въ Москвѣ, Поссевинъ рѣшился приписать естественнымъ причинамъ отсутствіе растительности на своемъ лицѣ. Онъ де не подбріваетъ и не подсѣкаетъ бороды. Самъ онъ объ этомъ умалчиваетъ. Но Иванъ уже увлекся игрою, и согласно своему характеру, удвоилъ силу нападенія, такъ что противнику его приходилось плохо. Очень ловко онъ направилъ споръ на вопросъ, гдѣ всѣ преимущества были на его сторонѣ; на этомъ вопросѣ сходились всѣ споры между Востокомъ и Западомъ: я говорю о первенствѣ папы. Русская Церковь попрежнему почитала святыми папъ первыхъ вѣковъ—Климента, Сильвестра, Агаѳона. Но ихъ преемники, отринувъ бѣдность и строгость жизни первыхъ христіанъ, живутъ среди пышности, поразившей Шевригина. Они заставляютъ носить себя на престолѣ и ставятъ на своей «*canope*» святой знакъ креста. Они, забывши всякій стыдъ, всенародно предаются постыдному разврату. Эти новые первосвященники лишились своего первоначальнаго достоинства. Напрасно Поссевинъ дѣлалъ отчаянные знаки, пытаясь прервать этотъ потокъ обвиненій. Ему говорили раньше! самъ виноватъ, если преніе кончалось плохо для него и для его господина. Какъ всѣ ему подобные ораторы, Иванъ уже не владѣлъ собою, и, когда Поссевинъ попытался робко вступить за папу, онъ закричалъ:

— Твой папа римскій не пастырь, а волкъ!

— Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше и говорить...

Этотъ отвѣтъ, равно какъ и вызвавшее его оскорбленіе, находятся въ русской версіи, но въ рассказѣ Поссевина, который былъ напечатанъ (Moscovia), его нѣтъ. Но кажется, однако, что въ рукописи этотъ инцидентъ упоминается (*Pierling*, о. cit. II, 169).

Опять же, согласно русской версіи, споръ на этомъ и кончился. Иванъ отпустилъ іезуита болѣе привѣтливымъ образомъ и вскорѣ же

поспѣшили послать ему кушанья со своего стола. Напротивъ, Поссевинъ утверждаетъ, что споръ продолжался и сталъ еще горячѣе, такъ какъ одну минуту царь готовъ былъ ударить своего противника знаменитымъ посохомъ, а присутствовавшіе здѣсь москвичи говорили, не бросить ли ужъ іезуита въ воду?

Во всякомъ случаѣ, разстались подъ довольно непріятнымъ впечатлѣніемъ; когда, 23 февраля, Поссевина опять призвали во дворецъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія продолжать разговоръ. Какъ бы желая нѣсколько загладить свою рѣзкость, царь самъ предложилъ ему представить записку о различіи между обѣими Церквами; но, очевидно, іезуитъ убѣдился, что это будетъ напрасный трудъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что преподнесъ государю латинскій экземпляръ книги Геннадія о Флорентійскомъ соборѣ и думалъ, что такимъ образомъ будетъ покончено съ этимъ опаснымъ вопросомъ. Но, опять таки, онъ не принялъ въ расчетъ своенравнаго и капризнаго характера Ивана. Грозный готовилъ ему сюрпризъ.

По поводу этого послѣдняго эпизода свидѣтельства опять противорѣчатъ одно другому. По русской версіи, Поссевинъ выразилъ желаніе посѣтить одинъ изъ столичныхъ храмовъ, и царь предложилъ ему присутствовать съ нимъ вмѣстѣ на церковной службѣ, которая для него будетъ обставлена всей пышностью православныхъ обрядовъ. Вначалѣ іезуитъ съ готовностью принялъ приглашеніе; но затѣмъ, будто бы, онъ осмѣлился войти раньше царя въ церковь. Изъ за этого поднялся споръ, и, чтобы прекратить его разомъ, царь приказалъ отвезти легата во дворецъ и продолжать съ нимъ разсмотрѣніе очередныхъ политическихъ дѣлъ. По разсказу Поссевина, приглашеніе было совершенно неожиданно, и онъ будто просто отклонилъ его и постарался скрыться, тогда какъ бояре старались увлечь его къ церкви. Въ обонхъ разсказахъ есть, конечно, своя доля правды и вымысла. Вѣрнѣ всего, что іезуитъ выказалъ очень естественное любопытство, но не пожелалъ фигурировать въ компрометирующей его обстановкѣ. Несмотря на всѣ противорѣчія и неясность, которой окружено пребываніе Поссевина въ Москвѣ, одно не подлежитъ сомнѣнію: попытка, для которой Римъ принесъ въ жертву интересы своей польской паствы, окончательно не удалась. 11 мая 1582 г. Поссевинъ простился съ царемъ, и посолъ Ивана, Яковъ Молвяниновъ, который вмѣстѣ съ легатомъ отправлялся въ Римъ, повезъ съ собою только привѣтствія на словахъ и соболей въ подарокъ. Представитель

папы, дѣйствительно, былъ *на виду* во время переговоровъ между Польшей и Москвою; онъ могъ даже приписать себѣ значительную роль въ этихъ переговорахъ. Но его дѣло носило чисто мірской характеръ, и, какъ я уже указывалъ, противорѣчило тѣмъ истиннымъ интересамъ, о которыхъ единственно должна была бы заботиться Церковь. Вотъ, почему этому дѣлу грозила та же неудача, какая постигла раньше другія попытки папъ.
